

ЖАНР СУДЕБНОЙ РЕЧИ В ПОЛИДИСКУРСИВНОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Статья посвящена исследованию места и функции жанра судебной речи в полидискурсивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». На примерах обвинительной и защитительной судебной речи Лужина и Раскольникова в статье анализируется трансформация юридического жанра в рамках романа на содержательном и формальном уровнях, а также выявляется подчиненность данного жанра и юридического дискурса в целом коммуникативным установкам автора, их роль в становлении дискурса романа.

Ключевые слова: жанр судебной речи; полидискурсивность; дискурс Ф.М. Достоевского; роман «Преступление и наказание».

Дискурс как особая форма институционального общения получил широкое освещение в работах целого ряда авторов (Э. Гоффман, Д. Хаймс, Л. Фишман, П. Браун, К. Фрейзер, В.И. Карасик, М.Л. Макаров и др.). Главный интерес исследователей сосредоточивается на необходимости изучения языковых явлений в условиях их реального функционирования, так как конкретные языковые употребления зависят от совокупности экстралингвистических условий. Основное внимание ученых направлено не только на выявление особенностей отдельных типов дискурса, но и на осмысление явления полидискурсивности. Данное понятие актуализируется в связи с выявлением фактов взаимодействия и пересечения различных дискурсов в процессах речевой коммуникации.

В рамках современных тенденций развития гуманитарной науки одной из самых перспективных сфер изучения становится **юридический дискурс**, поскольку такой тип общения связан с потребностью общества организовывать свои социальные связи, упорядочивать их и управлять ими. Правовой институт детерминирует и регламентирует взаимоотношения человека и общества. В связи с этим становится актуальным обращение к творческому наследию Ф.М. Достоевского. По словам А.Ф. Кони, Достоевский «является борцом за живого человека, которого он нам так изобразил во всех его душевных движениях, подлежавших изучению подготовлявшегося тогда нового суда. И в этом его великая заслуга пред русским судебным делом, пред русскими юристами!» [1. С. 225]. Именно в произведениях Ф.М. Достоевского остро стоят вопросы преступления и наказания, вины и права, которые составляют сферу юридического дискурса. Кроме того, в романах писателя нашел отражение процесс формирования и трансформации юридических жанров, связанный с проходившей реформой российского судопроизводства.

Особый научный интерес представляет исследование романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с точки зрения его полидискурсивной структуры, которая органично сочетает в себе разные дискурсивные установки, сменяющие друг друга в рамках одного произведения и обусловленные целым рядом причин. Далее в статье рассматривается жанр судебной речи, его место и роль в дискурсе «Преступление и наказание» с целью исследования полидискурсивной структуры романа, выявления особенностей функционирования разных дискурсов в романе (в т.ч. юридического и евангельского), определения экстралингвистических факторов, влияющих на общий дискурс романа.

В современной науке юридический дискурс рассматривается «как результат когнитивной деятельности человека в сфере права, как вербальный итог классификации мира, требующий упорядоченности правовой информации и ее адекватной интерпретации, связанной со способностью участников дискурса к осмыслению правовых положений, их анализу и синтезу» [2. С. 6]. Для его описания, как и любого институционального дискурса, целесообразно рассматривать следующие компоненты: **1) материал (тематика); 2) участников; 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии; 6) жанровый состав; 7) языковое воплощение.**

Тематическую основу данного дискурса составляет сфера правовых отношений. Исследователями выделяются различные **цели** юридического дискурса: информационная, аналитическая, оценочная, воздействующая, прогнозирующая, регулирующая и др. (Л.Е. Попова, Л.В. Колесникова, О.Н. Тютюнова и др.). Отметим, что данные цели взаимообусловлены и подчинены **основным целям** юридического дискурса – регулированию функционирования социальной системы, упорядочению общественных отношений, закреплению определенных свобод и ответственности, обеспечению соответствия социальной системы господствующим ценностям и идеалам [3. С. 334]. Соответственно, **участниками** юридического дискурса являются, с одной стороны, **представители правового института** и, с другой стороны, **лица**, так или иначе попадающие в сферу правовых отношений. В качестве **ценностных ориентиров** рассматриваемого дискурса выступают *право, преступление, наказание, закон* и т.д.

Юридический дискурс определяется широким выбором **стратегий**: разъяснение, регулирование, регламентация, контроль, организация взаимоотношений между участниками дискурса, включающихся в сложную систему общественных отношений. Каждая из стратегий реализуется через определенный жанр или ряд жанров. Юридический дискурс репрезентируется **комплексом жанров: юридическая консультация, судебная речь (защитительная и обвинительная), допрос, приговор** и др.

Представители закона используют определенные **языковые средства**: юридическую терминологию и аббревиацию, канцеляризмы и клише. В юридическом дискурсе существует запрет на нелитературную, а также эмоционально окрашенную лексику и разговорную лексику. На синтаксическом уровне наблюдается использование безличных конструкций, подчеркивающих всеобщность закона преобладания страда-

тельных конструкций над активными, отсутствие инверсии.

Наряду с философским, евангельским и иными дискурсами **юридический дискурс** включается в структуру общего дискурса романа «Преступление и наказание» и дискурса Ф.М. Достоевского в целом. Таким образом, роман представляет собой сложное полидискурсивное образование, моделирующую роль в котором играет **художественный (авторский) дискурс**, поскольку он особым образом организует систему взаимодействующих элементов: автора, текста, читателя. Явление полидискурсивности объясняется и стремлением Достоевского-художника к **полифоничности**, к идеологическому многоголосию и диалогизму, что создает совершенно новую художественную и дискурсивную форму. Полифонический роман совмещает в себе множество равноправных сознаний, голосов, мнений, точек зрения, установок, что проявляется в пересечении разных дискурсов в структуре одного произведения.

С одной стороны, юридический дискурс является устойчивым типом статусно-ролевого общения в рамках определенного института, нормы и ценности которого закрепились в конкретных правовых документах. Правовые документы являются источниками смыслов, которые непрерывно аккумулируются между участниками дискурса. Интерпретации этих смыслов имеют длительную традицию и отражены в нормативных предписаниях разных эпох («Уложение о наказаниях 1845 г.», Уголовный кодекс Российской Федерации и др.). С другой стороны, рассматриваемый дискурс, являясь институциональным, претерпевает в романе неизбежную трансформацию в связи с тем, что формируется через авторское сознание.

Иерархичность полидискурсивной структуры в романе заключается в том, что **авторский дискурс** первичен, занимает высшую иерархическую ступень по отношению к остальным видам дискурса в романе и трансформирует их в себе в зависимости от коммуникативных целей автора, условий создания дискурса и его вписанности в общекультурный контекст. Кроме того, в дискурсе Ф.М. Достоевского отражается динамичный процесс взаимодействия автора и читателя, а также влияние на автора социальных, культурных и исторических условий той или иной эпохи. Важно то, что автор участвует в социально-культурном опыте и запечатлевает его результаты в своих произведениях. Любой дискурс «функционирует в системе других дискурсов», «отражает в своем “телесном” составе другие и многие дискурсы, и следы этих отражений мы обнаруживаем в текстах» [4. С. 35]. Явление полидискурсивности определяет тесное переплетение и наложение разных дискурсивных намерений, их трансформации в рамках одного речевого произведения. Природа полидискурсивности в романе «Преступление и наказание» обусловлена главным образом тематическим пересечением дискурсов.

Юридическая система во второй половине XIX в. базировалась на многотомном своде законов, в которое входило «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г. В данном Уложении детально расписана система преступлений и соответствующая система наказаний. Преступление трактова-

лось как «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц» [5. С. 174]. Всеобщий кризис российского общества середины XIX в. породил необходимость в коренном преобразовании существующей государственной системы. Судебная реформа 1864 г. имела огромное прогрессивное значение. Новые судебные уставы коренным образом изменили процессуальное законодательство, поскольку постулировали самостоятельность судебной власти, всесословность, гласность и состязательность. Введение суда присяжных позволило закрепить право обвиняемого на защиту. Итоги преобразований закрепились в «Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.», который освещал различные вопросы по судопроизводству в России от вопросов о подсудности до порядка судебного преследования.

В начале 1860-х гг. Ф.М. Достоевский готовит материал для первого выпуска своего журнала «Время», внимательно перечитывает сборники уголовных дел Франции, просматривает газетные отчеты о судебных процессах и посещает судебные заседания. Двойственное отношение писателя к вопросу о судопроизводстве, об источниках преступления определяется еще и тем, что самому писателю была близка православная этика, законы которой зачастую не совпадали с судебными.

Жанровая структура юридического дискурса в романе «Преступление и наказание» представлена судебной (защитительной) речью (Раскольников, Разумихин, Соня), судебной (обвинительной) речью (Лужин, Порфирий Петрович), допросом (первичный допрос Раскольникова, допросы Миколки, допросы-разговоры Раскольникова и Порфирия Петровича). Каждый из жанров характеризуется четкой структурой, определенным набором речевых клише, статусно-ролевыми амплуа участников коммуникативной ситуации.

Судебная речь занимает одно из центральных мест в «Преступлении и наказании», что обусловлено в первую очередь самой жанровой спецификой детективного психологического романа. Во-вторых, проблема защиты и соблюдения прав человека во второй половине XIX в. являлась ключевой в свете кризиса всей законодательной системы. Основная функция судебной речи как раз и заключается в том, чтобы определить невиновность / виновность человека перед судом и обществом. Включение судебной речи в сложную структуру романа и следование ее жанровым установкам необходимо автору не только для формирования социально-исторической достоверности в произведении, но и для решения своих собственных творческих коммуникативных задач, в том числе для воздействия на читателя.

Далее остановимся на одной из реализаций жанра судебной речи в романе и рассмотрим сцену обвинения Лужиным Сони в воровстве. Данная сцена, разворачивающаяся на поминках Мармеладова, подана автором как мини-суд, в котором каждому участнику отведена определенная коммуникативная роль. Раскольников (студент-юрист) выступает в роли адвоката Сони; Соня – обвиняемая; Лужин (частный адвокат) – в роли прокурора, в функции которого входят возбуждение уголов-

ного дела и поддержание обвинения в суде; Лебезятников – в роли свидетеля, которому известны обстоятельства по делу; а присутствующие на поминках являются собой суд присяжных. Ролевая характеристика соответствующего героя определяет тип его поведения.

В **обвинительной речи** прокурор представляет суду факты и обстоятельства, свидетельствующие против обвиняемого. Речь обвинителя строится как развернутое, логическое изложение дела, включающее четкую систему доказательств. Обвинитель квалифицирует преступление и определяет меру наказания. Замысел речи достигается определенным набором речевых средств.

Лужин в роли прокурора управляет ходом судебного заседания, в своей речи он излагает суть дела (*Амалия Ивановна, прошу вас, покорнейше, в качестве хозяйки квартиры, обратить внимание на мой последний разговор...*) [6. С. 411]; ведет допрос обвиняемого (*Если каким бы то ни было образом, вы знаете и укажете нам, где он теперь находится, то уверяю вас честным словом, и беру всех в свидетели, что дело только тем и кончится*) [Там же. С. 412] и свидетелей (*Вы так и знали? – подхватил Лужин, – стало быть, уже и прежде имели хотя бы некоторые основания так заключать...*) [Там же. С. 414]. Кроме того, герой иницирует обыск и освидетельствование обвиняемого (*это следует при полиции... хотя, впрочем, и свидетелей слишком достаточно... я готов-с... но во всяком случае затруднительно мужчине... по причине пола... если бы с помощью Амалии Ивановны*) [Там же. С. 415]. Порядок следствия, его ритуальность закреплены в Уставе судопроизводства 1864 г., в котором, например, установлено, что «число понятых, приглашаемых к осмотру или к освидетельствованию, не должно быть ни в каком случае менее двух» [7] или «до осмотра и освидетельствования лиц женского пола приглашаются в качестве понятых замужние женщины» [Там же] и т.п.

Лужин использует стратегию обвинения и нападения с целью психологического воздействия на Соню, чтобы заставить ее признаться в краже. В ходе реализации данной стратегии Лужиным используются тактики **отрицательной характеристики обвиняемого**: *Я же представляю вам посильное подаяние мое в десять рублей, и вы же, тут же, сейчас же, платите мне за все это подобным поступком* [6. С. 413]; **нападения**: *Что вы врете? – дерзко вскричал он, – да и как вы могли, стоя у окна, разглядеть бумажку! Вам померещилось на подслепые глаза. Вы бредите!* [Там же. С. 418]; **критики действий подсудимого**: *Но для чего же, мадам, вы не хотели сознаться? Позора убоялись?... Но, однако, для чего же было пускаться в такие качества!* [Там же. С. 417]; **констатации фактов**: *Утром сегодня я разменял, для своих надобностей, несколько пятипроцентных билетов... Расчет у меня записан в бумажнике... В эту минуту прибыли вы – и все время пребывали у меня потом в чрезвычайном смущении...* [Там же. С. 413]; **просьбы**: *Если каким бы то ни было образом вы знаете и укажете нам, где он теперь находится, то уверяю вас честным словом и беру всех в свидетели, что дело только тем и кончится* [Там же. С. 412]; **оскорбления свидетелей** (Лебезятникова): *Или вы, может, выпивши? Да вы рехнулись или нет, моло-*

косос? [Там же. С. 418]. По мнению О.Н. Тютюновой, прокурор как профессиональный участник судебного процесса должен выстраивать обвинительную речь только на основе неоспоримых доказательств, тактики же оскорбления и критики действий являются недопустимыми, поскольку являются непрофессиональным способом психологического воздействия на присяжных с целью неприглядного представления обвиняемого [8]. Таким образом, с помощью различных тактик (как допустимых, так и недопустимых) Лужин в роли прокурора пытается оклеветать Соню. Он представляет на суд толпы ложные факты и надуманные мотивы кражи.

Задача **защитника** заключается в том, чтобы изложить суду все доводы в пользу подзащитного. С целью установления истины по делу он производит объективный анализ обстоятельств преступления и собранных по делу доказательств. Защитительная речь имеет дискуссионный характер, ее задача – опровергнуть точку зрения противоположной стороны. Сам замысел судебной речи находит выражение в речевых формулах, маркирующих жанр / дискурс: *Я могу объяснить, для чего он рискнул на такой поступок* [6. С. 420]; *Прошу всех, всех прислушаться* [Там же. С. 421]; *Теперь прошу особенного внимания; Представьте себе; Если бы ему удалось доказать, то, во-первых, что...; что...; что...* [Там же. С. 422].

В ходе реализации стратегии защиты Раскольниковым используются следующие тактики: **отвод подозрения**: *С самого начала истории я уже стал подозревать, что тут какой-то мерзкий подвох* [Там же. С. 421]; **отрицание вины и обвинение**: *Этот человек очень зол... Все это, как вы понимаете, с целью поссорить меня с матерью и сестрой, внушив им, что я расточаю, с неблагородными целями, их последние деньги* [Там же. С. 421]; **положительная характеристика подсудимого**: *При этом я прибавил, что он, Петр Петрович Лужин, со всеми своими достоинствами, не стоит одного мизинца Софьи Семеновны, о которой он так дурно отзывается* [Там же. С. 421]. Данные тактики направлены не только на реабилитацию Сони в глазах окружающих (присяжных), но и на уличение во лжи Лужина-прокурора. Смена тактики защиты на тактику обвинения меняет статус Раскольникова. В результате герои меняются местами: Раскольников становится обвинителем Лужина. Таким образом, в данной сцене формируется речевое взаимодействие участников коммуникации, которые воплощают ту или иную дискурсивную роль (обвинитель, защитник, свидетель, обвиняемый) в рамках институционального дискурса, целью которого является контроль общественных отношений.

Жанр судебной речи, представляющий общение в официальных рамках правового института, требует соответственного речевого поведения. Лужин в роли прокурора и Раскольников в роли адвоката используют юридическую терминологию (*ошибочное обвинение; может засвидетельствовать; никто не решится вас обвинить в умысле или в соглашении и др.*); канцелярские клише и этикетные формулы (*беру всех в свидетели, извольте видеть-с; позвольте, сударыня; прошу вас покорнейше; это следует при полиции и др.*). Несмотря на то что юридический дискурс есть клишированная

разновидность общения, участники дискурса, помимо формальной роли, согласно которой они должны общаться в соответствии с социально-правовыми нормами, получают иные роли в результате отражения юридического дискурса сквозь призму авторского. В сцене представлена интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественного института, поэтому участники выполняют предписанные им нормы юридического общения. Однако их личностное начало, т.е. то содержание, которое автор вложил в каждого героя в соответствии со своими политическими, религиозными, социально-правовыми убеждениями, «прорывается», несмотря на внешнюю ситуацию общения.

Через канву юридического дискурса просвечивает авторская провокация, которая предполагает изначально общение в сфере правовых отношений, но по ходу сцены становится лишь внешней оболочкой такого общения, не соответствующей внутреннему содержанию. Призванный защищать закон прокурор Лужин на деле лжеобвиняет и лжесвидетельствует, моделируя ситуацию обвинения в своих корыстных интересах. При этом остальные участники ситуации оказываются неосведомленными в происходящем и приходят к пониманию истинного положения дел только в процессе судебного разбирательства.

То же можно сказать и о роли защитника, которая на протяжении всей сцены приписывается разным героям. Сначала Катерина Ивановна видела защитника в Лужине: *Петр Петрович!... Защитите хоть вы!... Помня хлеб-соль отца моего, защитите сирот* [6. С. 410]; затем в Лебезятникове: *Андрей Семенович! Я в вас ошиблась! Защитите ее! Один вы за нее!* [Там же. С. 419]; при этом роль маркируется одними и теми же словами. Реальным защитником Сони оказывается Раскольников (на деле преступник), а Лужин – провокатором, цель которого не уличить Соню, а дискредитировать ее.

Модель жанра судебной речи (обвинительной и защитительной) используется Достоевским для своеобразной проверки героев на истинность, в результате чего юридические роли и личностные не совпадают. Языковые маркеры обозначают только форму юридического дискурса, а его содержание трансформируется автором. Внешняя ритуализация общения обозначена на языковом уровне через этикетные речевые формулы, профессиональную лексику и т.п.: *надо будет дать знать в полицию, покорнейше прошу вас, пошлите*

покамест за дворником; Прошу вас, почтеннейшая Амалия Ивановна, запомнить слова ваши, произнесенные, впрочем, при свидетелях (Лужин) [Там же. С. 414] и др. Наряду с языковыми маркерами юридического дискурса, фиксирующими «своеобразное общение в масках», в романе присутствуют единицы, которые указывают на трансформацию жанра. В связи с изменением содержания ситуации нивелируется институциональность общения, строго предписанная юридическим дискурсом. Институциональность общения разбивается разговорной и даже бранной лексикой и интонациями: *Что вы врете?... вам все померещилось... на подслепые глаза* [Там же. С. 418]; *дичь!.. дичь вы все мелете, сударь; вы могли все это сбредить во сне, вот и все-с!* [Там же. С. 419]; *А, ты вот куда заехал! Врешь!... О жалкий, подлый человек!* [Там же. С. 420]; *Да вы рехнулись или нет, молокосос?* [Там же. С. 418]. Выстраивая определенную модель общения и наделяя героев функциональными ролями участников юридического дискурса, автор посредством внешних языковых маркеров рисует различные типы поведения, которые сам в дальнейшем разоблачает.

Таким образом, судебная речь в романе представлена и прописана по установленной в юридическом дискурсе жанровой форме. Точное следование жанру обусловлено, во-первых, тем, что время написания романа совпадает с кризисом судебной системы XIX в. и обращение к данному жанру более чем актуально. Во-вторых, писатель стремился достичь полной достоверности в представлении судебного процесса 60-х гг. XIX в. и тем самым показать его несостоятельность и необходимость преобразования. Изменение жанровых установок в романе объясняется влиянием иного (не юридического) типа дискурса, связанного с евангельским подходом Достоевского к проблеме преступления и кары за него, что и отразилось в сложной полидискурсивной структуре исследуемого романа. При этом авторский дискурс превалирует над остальными видами дискурса и преобразует их. В связи с этим описанный выше жанр судебной речи юридического дискурса оказывается подчинен общим коммуникативным установкам автора.

Трансформация юридического дискурса и его жанров, нашедших отражение в романе Ф.М. Достоевского, свидетельствует о глубоком осмыслении в авторском сознании писателя правовых категорий, что в конечном итоге влияет на становление, форму и содержание дискурса романа в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кони А.Ф. Воспоминание о писателях. М. : Правда, 1989. 656 с.
2. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право» : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 166 с.
3. Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2009. Вып. 7. 448 с.
4. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. 187 с.
5. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 8. 432 с.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман. Л. : Худ. лит., 1980. С. 410–425.
7. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/ust Ugprav.php
8. Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2011 г.